

УДК 81

А.П. Прохорова

Ростовский государственный строительный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

annagvozdikova@yandex.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В КОНТЕКСТЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛИНГВОПРАГМАТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ГОВОРЕНИЯ)**

**[Prokhorova A.P. Phraseological units in the context
of cultural linguistics and linguapragmatics**

(with reference to the phraseological units with the meaning of speaking)]

It is considered the linguapragmatic component of phraseological units in general and phraseological units with the meaning of speaking in particular. Possession of cultural connotation and pragmatic sense of phraseological units is not less important than the denotative value of phraseological units. The study of Russian and French phraseological units with the meaning of speaking revealed the peculiarities of communication and behaviour patterns that are typical of the representatives of the Russian and French cultural linguistics. The paper analyzes phraseological units with the meaning of speaking, which come to the forefront in the public conscience putting other idioms with similar meaning to the fringe of consciousness. It describes the reasons that influenced the change in the status of these units in the language. It is claimed that there is a special phraseological worldview, common to all languages figurative system of phraseological units, which depicts the original features of the national worldview.

Key words: phraseological unit, cultural linguistics, linguapragmatics, idioethnic, linguistic worldview, cultural connotation, anthropocentric paradigm.

Лингвокультурологические и лингвопрагматические исследования последних десятилетий отличаются рядом особенностей: 1) эксплицируются культурно значимые элементы значения ФЕ, которые соотносятся с концептуальным содержанием последних; 2) разрабатываются и моделируются различные лингвокультурные концепты, вплетенные в «языковую ткань» ФЕ; 3) анализируются источники культурно-национальной интерпретации ФЕ; 4) рассматриваются отраженные в ФЕ фрагменты фразеологической картины мира носителей языка [4, с. 145-146]. Фразеологическая прагматика уделяет самое пристальное внимание таким проблемам, как роль ФЕ в высказывании, речевом акте и тексте. То есть в ее ведении ис-

следование вопросов, связанных с функционированием ФЕ. В то же время ясно, что эти вопросы не могут решаться без опоры на выявление семантических составляющих ФЕ и их прагматических потенций.

Фразеология является самым благодатным материалом для исследования взаимосвязи языка, человека и культуры, поскольку в ней концептуализированы наивные, иногда архаичные представления человека о мире и все типы отношений человека с миром, причем «запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [8, с. 9].

Формирование феномена, называемого «картиной мира», совпадает во времени с процессом антропогенеза, однако сама реалия, называемая данным терминологическим сочетанием, стала изучаться сравнительно недавно. Предтечей глобального интереса к «языковым картинам мира» было открытие и глубокое обоснование В. фон Гумбольдтом языкового идиоэтноизма. Каждый язык, по Гумбольдту, включает в себе особое мировидение, обладает присущим ему космосом понятий и мыслительных форм. Любой язык отображает мир с определенной точки зрения – точки зрения народа, создавшего этот язык. Поэтому в любом языке представлен универсально-объективный аспект, связанный с отражением в языке объективной реальности как таковой, и субъективно-национальный (идиоэтнический), который отражает именно специфический, особый взгляд на мир носителей конкретного языка.

Ясно, что картина мира всегда представляет собой результат деятельности целого ряда поколений, где язык служит средством формирования и передачи опыта мировосприятия. В языке, с одной стороны, выработаны общечеловеческие значимости. Ср.: «Единство биологической и социальной сущности человека, независимо от расовой и национальной принадлежности, индивидуальных особенностей как живого существа, определяет универсальность человеческого механизма восприятия окружающего мира» [3, с. 21]. С другой стороны, каждый язык национально специфичен. Оба этих свойства человеческого языка прекрасно отражаются в его фразеологическом составе.

Как известно, языковые знаки имеют разную степень семиотической глубины в процессе коммуникации: от минимального «ближайшего значения слова» (в терминологии, идущей от А.А. Потебни) до учета широкого культурно-исторического фона, или «дальнейшего значения слова». В конце

XX века фразеологизмы все чаще стали рассматриваться как этнокультурный текст, который может быть прочитан и истолкован посредством обращения к архетипам, мифологемам, ритуалам и подобным знакам культуры этноса, заключенными во внутренней форме фразеологизмов и являющимися образным основанием для формирования значения фразеологизмов.

С точки зрения лингвокультурологии (и ее предтечи – лингвострановедения), «языковая картина мира представляет собой объемное и многоярусное понятие, играющее главную роль в познавательной деятельности человека и имеющее множество параметров, многократно пересекающихся в различных языковых единицах, которые относятся к разным уровням языка» [2, с. 20]. Картина мира – это глобальный образ мира и в то же время этот образ антропоцентричен, то есть несет в себе черты специфически человеческого способа миропостижения. Языковая картина мира представляет основные свойства мировидения человека и содержит черты человеческой субъективности.

В современной лингвистике утвердилось мнение о том, что фразеологические единицы должны изучаться в антропологической парадигме знаний. Антропоцентризм в языковой репрезентации действительности определяется как система языковых средств, с помощью которых в центр картины мира, репрезентируемой в текстовом массиве, помещается личность – продуциента дискурса, его реципиента, человека как предмета речи [7, с. 6].

ФЕ в антропоцентрической парадигме должны рассматриваться как знаки не только и не столько денотативного содержания, сколько оценочно-эмотивного отношения говорящего к действительности, обозначенной во фразеологизме. Аксиологичность ФЕ нередко формируется с помощью «следов» прошлого. Обнаружение культурно-национальной значимости фразеологизма достигается на основе соотнесения живого образа (внутренней формы) фразеологизма с "кодами" культуры, каковыми являются значения мифов, обрядово-ритуальных форм культуры, обычаев, поверий, символов, стереотипов, эталонов, ритуалов и т.п. Владение культурной коннотацией и прагматическими смыслами фразеологических единиц является не менее важным, чем постижение денотативной значимости ФЕ. Так, с русской пословицей *язык до Киева доведет* соотносится английская *by asking one comes to Rome* – «язык до Рима доведет» и даже татарская пословица *тел Мәккәгә илтер* – «язык до Мекки доведет». Все эти пословицы имеют одно и то же значение:

расспрашивая, можно все найти и узнать (используется, когда хотят подбодрить кого-л., поощрить к началу трудного пути, совершению действия). При общей идее эти пословицы различаются образностью – в каждой используется свой топоним, особо значимый для каждой лингвокультуры.

Человек, творящий язык и творимый языком, помещается в центр теории языка, разработанной А. Вежбицкой. Ее антропоцентрический подход к лексической и грамматической семантике позволяет выявить те глубинные характеристики, которые формируют представление носителя языка о том или ином объекте или ситуации внешнего мира. На основании тех различий, которые обнаруживаются в системе личных имен (экспрессивных производных от основного имени, уменьшительно-ласкательных и проч.), служащих для обращения, А. Вежбицкая судит о межкультурных различиях; на основании типичности/нетипичности пассивных конструкций она делает выводы, касающиеся национального характера [1]. Не менее значим для лингвокультурологии и лингвопрагматики фразеологический материал, в котором запечатлены исконные представления народа о мире.

При рассмотрении ФСП «Говорение» бросается в глаза, с одной стороны, сходная репрезентативность одних синонимических рядов (например, рядов с общими значениями «пустословить», «говорить глупости», «обманывать» и нек. др.) и различия в репрезентативности других групп. То обстоятельство, что некоторые группы синонимов репрезентативно представлены в одном языке и практически отсутствуют в другом, может служить важным основанием для выводов лингвокультурологического характера. Так, например, во французском поле синонимические ряды фразеологизмов с интегральным значением «хорошо, правильно выражать свои мысли» (высокий уровень владения речью) и «лестить кому-либо» (похвала с корыстной целью) оказались гораздо объемнее, чем в русском языке. Это свидетельствует о том, что стереотипы поведения, связанные с легкостью общения и лестью, более свойственны носителям французской лингвокультуры. В русском поле обращает на себя внимание богатый синонимический ряд фразеологизмов с интегральным значением «откровенно рассказывать о своих чувствах», которые вдвое превышает соответствующий синонимический ряд во французском языке. Это вполне согласуется с данными о том, что открытость, душевность в общении являются характерными свойствами представителей русской лингвокультуры, что именно эти свойства представляются важными жизненными ценностями.

Характерно, что в речениях, собранных В. Далем, значительное место занимают те, которые посвящены проблемам коммуникации. В них чаще всего говорится о главной «беде» пустословии, несоответствии слов реальным делам, замене дел словами: *Во многословии не без пустословия; Во многом глаголении несть спасения; Рассказчики не годятся в приказчики; По разговорам всюды (годится), а по делам никуды; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит; Много говорено, да мало сказано; Больше говорить – больше согрешить; Держи язык на привязи (на веревочке); Зерна мели, а много (лишнего) не ври; Красно говорит, а слушать нечего; Щи хлебай, да порменьше бай; Ешь капусту, да не мели попусту; Кто языком итурмует, не много навоюет; Горлом не возьмешь; Горлом изба не рубится; Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов.* Вполне современные проблемы, такие, как бездоказательные речи, пустые обещания и – в современной формулировке – вербальное манипулирование, свойственные современной общественной коммуникации, получили свое идеальное (с точки зрения красоты и ясности) воплощение еще у В. И. Даля.

В содержание лингвокультурологического анализа фразеологизмов традиционно включаются три составляющие, тесно между собой связанные: лингвострановедческая информация, этимология и собственно культурный комментарий.

М.Е. Крымская [5] предложила схему лингвокультурологического комментария к ФЕ говорения. Чтобы упорядочить описание культурного содержания фразеологизмов, следует придерживаться определенного порядка культурного комментирования фразеологизмов, указывая, 1) с какой областью культуры (мифологической, архетипической, библейской, фольклорной, художественно-литературной, газетно-публицистической и др.) соотносится образ фразеологизма, 2) какие культурные смыслы «открываются» во фразеологизме (мифы (мифологемы), архетипы, ритуалы, обряды, символы, эталоны, стереотипы и т.п.), 3) какие виды тропов закрепляют культурные смыслы в семантической структуре фразеологизма (метафора, метонимия, синекдоха, оксюморон, олицетворение и т.п.). Культурный комментарий фразеологизмов, проведенный таким образом, представляется нам достаточно полным и эффективным.

Однако в рамках лингвопрагматического подхода очень важно вычленение во всей совокупности ФЕ со значением говорения таких единиц, которые выдвигаются на первый план в общественном сознании, становятся популярны-

ми, суперчастотными, отодвигая на периферию иные фразеологизмы со сходным значением. Так, из всех ФЕ со значением 'обманывать' к концу XX века едва ли не самым популярным стал фразеологизм *брать на понт*. Это отнюдь не новая единица в русском языке. Прежде она была связана исключительно с криминальным миром (все помнят Маньку-Облигацию из сериала С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя» и ее *Не бери на понт, мусор*).

Сейчас же сфера бытования этой ФЕ кардинально изменилась. Как пишет Вл. Новиков в своем «Словаре модных слов» [6, с. 88], постепенно слово *понт* вошло в речь вполне законопослушных граждан. Даже ученые мужи и дамы порой хвалятся тем, как им удалось «взять на понт» министерство или правление фонда и в результате получить грант или субсидию».

Это слово организует целую серию ФЕ – *гнилой понт* (*гнилые понты*), *крутить понт*, *понты давить*, *с понтом*, *с понту*, *с понтом под зонтом*, *на понтах*, *понты корявые*, *без понта*, *понты лимонить*, *понты колоть*, *урвать понт*, *понт наводить*, *дешевые понты сишибать*, *понты прожигать*, *бить понт* и все они представляют различные модификации одного понятия – обмануть, одурачить, обхитрить. *Гнилые понты* – это откровенный, даже наглый обман, а *бить понт* имеет специфическое значение 'возмущаться вместе с жертвой по поводу совершенной кражи'.

Но мало просто констатировать популярность таких ФЕ и зафиксировать их многочисленные вариации в современных медиа, детективных романах и криминальных сериалах. Гораздо важнее объяснить природу этого явления.

Безусловно, в основе этой популярности экстралингвистические причины. Всем понятно, что в подцензурных медиа советского периода популярность выражения, которое пришло из уголовного мира (*брать на понт*), была бы невозможна по определению. Триумф этой ФЕ находится в контексте общей тенденции, которая проявляется в жаргонизации общего языка, подтачивании и размывании границ литературного языка, его сближения с различными проявлениями субстандарта, в снижении планки нормативности, о чем хорошо известно. Однако далеко не все, что было в воровском жаргоне, становится широко употребительным даже в период вседозволенности. Должны быть причины когнитивного и собственно языкового плана.

Этимология (к тому же не до конца проясненная) не дает нам нужной информации. Вл. Новиков [6, с. 87-88] называет слово *понт* одним из ключевых

в русском жаргоне, пишет о его «амбивалентности» (способность передавать как отрицательную, так и позитивную прагматику), бесконечной сочетаемости, гибкости и эластичности значений; ср. также его остроумное объяснение достоинства слова «понт»: «Люди, видящие только черное и белое, конечно, ни малейшего понта не приемлют. Что ж, мы их за это уважаем: пусть живут себе беспонтово. Но у мироздания есть еще и третий цвет – понт, без которого жизнь была бы беднее и скучнее. Ведь даже малые дети не осуждают за обман и мистификацию сказочного Кота в Сапогах – одного из самых ярких понтовиков мировой культуры. *Понт* – синоним игрового начала, той вечной театральности, которой пронизано человеческое бытие». А кроме того, отмечает Вл. Новиков, *понт* теснейшим образом связан с культурой потребления. Таким образом, понт, по Вл. Новикову, это «некая онтологическая универсалия», «взаимоперетекание искренности и обмана», «прихотливая диалектика внутреннего и внешнего в человеческих отношениях».

Таким образом, ясно, что причина особой активности этого ставшего всеобщим достоянием слова (и связанных с ним ФЕ говорения) не одна. Целый комплекс факторов – социальных, лингвопрагматических, культурологических, когнитивных и собственно языковых – повлияли на изменение статуса этих единиц в языке. На их примере можно наблюдать движение периферийных языковых средств к центру (наряду с уходом в тень ранее употребительных единиц), гибкость и эластичность современной нормы языковой.

Итак, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в современной лингвистике наметилась тенденция к междисциплинарности, что непосредственным образом затронуло и фразеологическую систему. Фразеологический материал, в котором отражаются многообразные связи с материальной и духовной культурой социума, наиболее пригоден для выводов лингвокультурологического характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
2. *Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А.* Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. Уфа, 2003.

3. *Инсакова Р.М.* Проявление категории количественности в пословицах английского и немецкого языков. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2002.
4. *Коваленко Е.Г.* Лингвокультурологическая специфика фразеологизмов, характеризующих моральные качества личности // Русский язык и активные процессы в современной речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., Ставрополь, 2003.
5. *Крымская М.Я.* Семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением процесса речи в русском и французском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М, 2005.
6. *Новиков Вл.* Словарь модных слов. М., 2005.
7. *Сунгуртян К.К.* Лингворитирические средства выражения антропоцентризма в русском переводном эзотерическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
8. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М., 1996.
9. *Михайлова Л.М.* Построение номинативного поля концепта «говoreние» в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. Ростов-на-Дону, 2008. № 5. <http://www.hses-online.ru>

REFERENCES

1. *Wierzbicka A.* Semantic universals and description languages. M., 1999.
2. *Gafarov G.V., Kildibekova T.A.* Theoretical Foundations and Principles of functional and cognitive dictionary. Ufa, 2003.
3. *Insakova R.M.* The manifestation of the quantitative categories of Proverbs of English and German. Thesis. Ufa, 2002.
4. *Kovalenko E.G.* Linguacultural specifics phraseology characterizing the moral qualities of the person // Russian language and active processes in modern speech. Proceedings of the scientific-practical conference. Moscow, Stavropol, 2003.
5. *Krymskaya M.J.* Semantic analysis and linguacultural phraseology with the value of speech in Russian and French. Thesis. M, 2005.

6. *Novikov V.* Dictionary of modern words. M., 2005.
7. *Sungurtyan K.K.* Linguacritical means of expression of anthropocentrism in the Russian translated esoteric discourse. Thesis. Krasnodar 2007.
8. *Telia V.N.* Russian phraseology. Semantic, pragmatic and cultural issues. M., 1996.
9. *Mikhailova L.M.* Formation of nominative field of concept "speaking" in modern English // Humanities and social sciences. Rostov-on-Don, 2008. № 5. <http://www.hses-online.ru>

3 ноября 2015 г.
